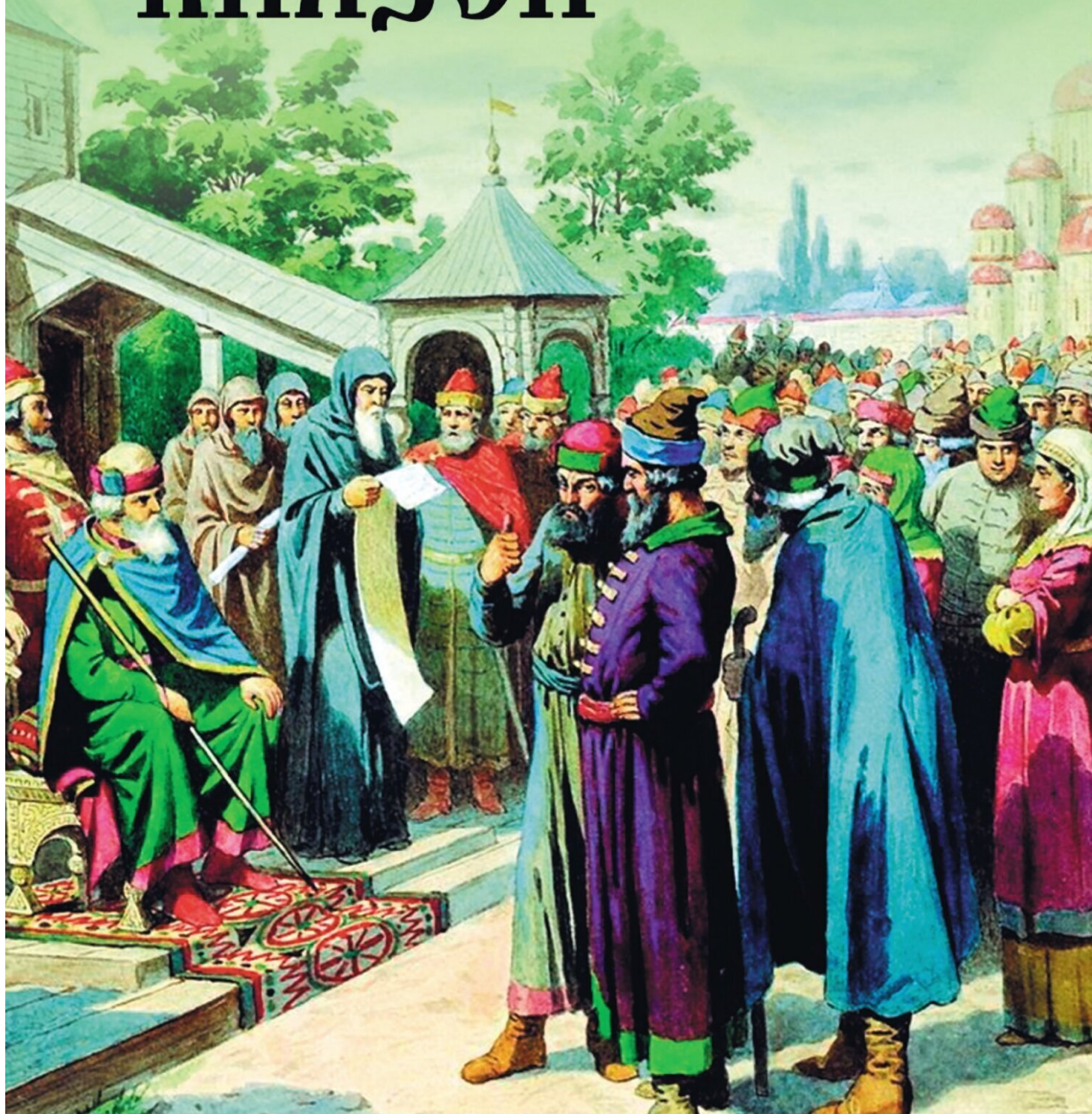

НЕЗНАКОМАЯ
РУСЬ

РОДОВОЙ БЫТ СЛАВЯНСКИХ КНЯЗЕЙ

Неведомая Русь

Дмитрий Боровков

Родовой быт славянских князей

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94.7
ББК 63.3(2)4

Боровков Д. А.

Родовой быт славянских князей / Д. А. Боровков — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-8970-9

Теория родového быта была сформулирована исторической наукой во второй половине XIX — начале XX в. и окончательно оформилась на рубеже XX—XXI вв. Правила определения старшинства в роду, передача власти и прав на великокняжеский престол... Все это во многом определяло политическую и, следовательно, общественную жизнь древнерусского государства. Книгу составили несколько работ видных русских историков, разрабатывавших эту тему. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94.7
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-4484-8970-9

© Боровков Д. А., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Становление родовой теории в русской исторической науке	6
М. П. Погодин	9
Статья первая	9
Статья вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Александрович Боровков

Родовой быт славянских князей

Ярополк ходил на младшего брата Олега.

Владимир – на старшего Ярополка.

Святополк без войны – на Бориса, Глеба и Святослава.

Ярослав – на старшего двоюродного брата Святополка

* * *

© Боровков Д. А., составление, предисловие, комментарии, 2023

© ООО «Издательство „Вече“», 2023

Становление родовой теории в русской исторической науке

Теория родového быта, или родовая теория, была сформулирована в русской историографии первой трети XIX столетия в результате исследований группы историков-юристов из Дерптского университета во главе с его ректором И.Ф.Г. фон Эверсом (1781–1830).

В центре внимания Эверса и сложившейся вокруг него школы оказалось изучение памятников права и зафиксированной в них терминологии. Эверс сформулировал концепцию поэтапного формирования государства от патриархальной семьи к родовым, а затем племенным объединениям. Власть первых государей, по его мнению, мало отличалась от власти старейшин рода, которые в управлении делами опирались на сыновей и членов своего семейства. По смерти отца сыновья управляли наследством на праве общей собственности, при котором старший брат пользовался преимуществом, но не обладал всей полнотой власти; позднее в обиход вошел раздел, который сохранялся, до тех пор пока не было признано более эффективным наследование по праву первородства (*Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung*, 1826; рус. пер.: Древнейшее русское право в историческом его раскрытии, 1835).

Конкретизация теории была осуществлена учеником Эверса А.М.Ф. фон Рейцем (1799–1862), рассмотревшим вопрос о приоритете «старейшинства» в княжеском роду на конкретно-историческом материале. Исследователь предполагал, что «право старшего на престол было основанием, которое только что начинало образовываться, и, кажется, еще не довольно твердо укоренилось», поэтому оно «должно было столкнуться с естественным правом сыновей на оставленные отцом владения и на власть его, тем более что сие последнее право должно было развиваться в уделах, кои владетели их привыкли почитать своим наследством („отчиною“)». Впрочем, он осторожно заметил, что приоритет «старейшинства» «вероятно мог иметь силу в первоначальном союзе семейств», но никак не мог существовать при размножении княжеского рода, где мог поддерживаться лишь силой. Формирование представлений о приоритете «старейшинства» Рейц относил ко времени Владимира I, ссылаясь на то, что после кончины князя в 1015 г. один из его младших сыновей Борис признал приоритет старшего брата Святополка I, а в 1026 г. приоритет киевского князя Ярослава как старшего брата признал младший брат, Мстислав Тмутараканский. Исходя из этого, историк считал завершающим этапом в оформлении этой практики завещание Ярослава своим сыновьям в 1054 г. (*Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung*, 1829; рус. пер.: Опыт истории российских государственных и гражданских законов, 1836).

Теория дерптских исследователей была взята на вооружение русскими историками. Одну из первых ее трактовок предложил профессор Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устрялов (1805–1870) в курсе лекций по русской истории, выдержавшем два издания в 1837–1841 гг. Подобно Эверсу, Устрялов рассматривал так называемый удельный период в истории Русского государства, начавшийся после смерти Ярослава I в 1054 г., как исторически закономерное явление, обусловленное «неминуемым следствием современного понятия о праве на удел каждого члена господствующей фамилии», которое не только не уничтожило единства Руси, но «еще более скрепило узы общественные, распространив всюду один язык, одну веру, одни законы гражданские, утвердив право одного рода Владимира Святого на власть верховную».

В то же время в курсе Устрялова нельзя не заметить влияния правительственной идеологии «соединенного духа православия, самодержавия, народности», сформулированной президентом Императорской академии наук С.С. Уваровым в качестве альтернативы «буре, волнующей Европу», под которой подразумевались революционные и национально-освободительные

движения 1830–1831 гг. Вследствие этого в русской историографии 1830-х гг. сложилась тенденция к подчеркиванию самобытности исторического пути России, способствовавшая популяризации родовой теории.

Влияние построений Эверса испытал и профессор Московского университета М. П. Погодин (1800–1875), который стал одним из проводников консервативного идеологического курса, ориентированного на противопоставление политического развития России и Европы. Погодин попытался сформулировать схему междукняжеских отношений в категориях родовой теории в статьях «О старшинстве между великими князьями Древней Руси», изданных сначала в «Журнале министерства народного просвещения» (1841), а затем в 1 томе его «Историко-критических отрывков» (1846). Рассмотрев летописные упоминания «старейшинства» в XI–XIII вв., Погодин пришел к выводу, что «старейшинство действительно было основанием праву», но скептически отнесся к вероятности того, что князья «ходили взад и вперед по княжествам, как по ступеням в лестнице до великокняжеского престола», и предположил, что право «старейшинства» уравнивалось отчинным правом, согласно которому князь мог наследовать княжество, если оно управлялось его отцом (в противном случае он исключался из порядка наследования). Впрочем, для объяснения имеющихся в источниках противоречий между этими принципами наследования исследователь был вынужден включить в свою схему междукняжеских отношений элементы местничества, характерного для политической практики Московского государства XV–XVII вв. Позднее эти идеи развивались им в «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории» (Т. 1–7, 1846–1857) и в статье «Взгляд на удельный период от кончины Ярослава до нашествия монголов» (1861), вошедшей сначала во 2-й том его «Историко-критических отрывков» (1867), а затем во 2-й том «Древней русской истории до монгольского ига» (1871)¹.

Исследование проблемы во второй половине 1840-х гг. продолжил ученик М. П. Погодина и его преемник на кафедре русской истории Московского университета С. М. Соловьев (1820–1879), опубликовавший в «Московском сборнике» 1846 г. статью «О родовых отношениях в Древней Руси». В этой статье он, подобно Погодину, рассмотрел проблему приоритета «старейшинства» (в том числе взаимоотношения младших дядей со старшими племянниками), обосновав предположение о том, что приоритет вторых над первыми (позже нашедший отражение в практике местничества) укрепился в Северо-Восточной Руси лишь в эпоху татаро-монгольского владычества. Эта тема была более полно раскрыта исследователем в его докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (1847) и в первых томах «Истории России с древнейших времен», издававшейся с 1851 по 1879 гг. Кроме того, в статье «О родовых княжеских отношениях у западных славян», опубликованной в 1850 г. в альманахе «Комета», С. М. Соловьев рассмотрел вопрос о приоритете «старейшинства» при передаче власти в родах чешских (Пржемысловичи) и польских (Пясты) князей X–XIII вв. Позже заложенная им тенденция сравнительно-исторического изучения родовых междукняжеских отношений у восточных и западных славян получила продолжение в работах К. Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897), В. О. Ключевского (1841–1911), А. Е. Преснякова (1870–1929).

Статья «О родовых отношениях в Древней Руси» была положительно оценена коллегой С. М. Соловьева по Московскому университету К. Д. Кавелиным (1818–1885), сконцентрировавшим внимание на противопоставлении рода и семьи. В 1847 г. в журнале «Современник» Кавелин опубликовал статью «Взгляд на юридический быт Древней России», в которой синтезировал гипотезу о приоритете родового старшинства и соотношении его с отчинным правом,

¹ В настоящем издании эта статья публикуется с некоторыми сокращениями по сравнению с изданием 1867 г. – *Примеч. сост.*

с гипотезой об иерархии «старших» и «младших» городов, сформулированной С. М. Соловьевым в магистерской диссертации «Об отношении Новгорода к великим князьям» (1845).

К. А. Неволин (1806–1855), ректор Киевского университета Св. Владимира, а позднее – декан юридического факультета и проректор Санкт-Петербургского университета, посвятил этой проблеме статью «О преемстве великокняжеского киевского престола», опубликованную в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1851 г. и посмертно переизданную в его собрании сочинений (1859). В этой работе, хотя и вторичной по отношению к исследованиям М. П. Погодина и С. М. Соловьева, с которыми Неволин расходился по ряду вопросов, был продемонстрирован приоритет родового старшинства-сеньората в вопросе наследования киевского княжения и акцентировано внимание на ряде исключений из этого правила, которые способствовали упадку этого принципа в междукняжеских отношениях середины и второй половины XII в.

Таким образом, были сформулированы основные положения теории родового быта, получившие развитие во второй половине XIX – начале XX вв. и актуализированные на рубеже XX–XXI вв. в работах доктора исторических наук А.В. Назаренко (1948–2022)².

Статьи из дореволюционных изданий даны в книге в современной орфографии, унифицировано написание отдельных слов и оформление библиографических ссылок; опечатки указаны в примечаниях (как и пояснения к тексту); опечатки в датах исправлены без специальных оговорок.

Кандидат исторических наук Д.А. Боровков

² См.: Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1985. М., 1986; Он же. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000; Он же. Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008; Он же. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении в кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства Восточной Европы 2007. М., 2009; Он же. Братское совладение, отчина, сеньорат (Династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы 2005. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008; Он же. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010.

М. П. Погодин

О старшинстве между великими князьями Древней Руси

Статья первая

При первом взгляде на преемство князей в Киевском княжестве мы видим, что между ими считалось какое-то *старшинство*, в котором и состояло право. В одном месте говорят они: «а се ряд меж нами есть» и проч.

Соберем сперва все места об этом *старшинстве*.

Прежде всего вспомним ответ Бориса дружине, советовавшей ему идти в Киев и занять престол после отца своего, Владимира: «Не буди мне взяти руки *на брата своего старейшего* (Святополка, сына Ярополкова); аще и отец умре, то съ ми буди в отца место»³. Из этих слов мы видим, что двоюродный брат, рожденный от старшего дяди, считался старшим и имеющим первое право на престол.

³ Нестор по Лаврентьевскому списку. С. 94 (имеется в виду Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. – *Примеч. сост.*).

Памятник князю Борису в Борисполе

«Седи на своем столе в Киеве, понеже ты еси *старейший*»⁴, – говорит Мстислав Ярославу⁵, победив его в 1024 г.

⁴ Нестор по Кенигсбергскому списку с продолжением. С. 130 (имеется в виду Повесть временных лет по Радзивилловской

Ярослав, умирая, говорит Изяславу: «Се же поручаю в себе место стол сыну своему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, яко же послушаете мене... Аще хто хочет обидети брата своего, то ты помогай». Он же говорит Всеволоду, третьему своему сыну, как то рассказывает Нестор, припоминая эти слова уже при описании смерти Всеволодовой⁶: «Аще ти подаст Бог прияти власть стола моего *по братьи своей со правдою*, а не насильством, „то... ляг здесь подле меня“» и проч. «Се же событсся глагол отца его, и после братии приимшу стол отца моего седе в Киеве, княжа» и проч. Из этих слов мы видим, что братья должны были наследовать киевский престол по очереди, а сыновья их – уже после. И точно: после Изяслава вступил на киевский престол брат его Всеволод, а не сын Святополк.

После Всеволода вступил на киевский престол сын Изяславов Святополк (1093 г.), а не Всеволода Мономах, который сказал при этом следующие примечательные слова: «Аще аз сяду на стол отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко то есть стол преже отца его был»⁵.

За Святополком следовал не его сын, а сын Всеволодов Мономах.

«Аз есмь меньше тебе, слия ко отцу моему», – говорит Мстислав Владимирович под г. 1096 Олегу Святославичу, который напал на владение его брата⁷.

«Я не спорил о старейшинстве с достойным Всеволодом (Ольговичем), – говорит под г. 1146 Изяслав Мстиславич... – Но Игорь и Святослав должны ли повелевать нами...»⁸

«Царствуй в Киеве, – говорит Георгий Долгорукий племяннику Изяславу Мстиславичу, – забывая старейшинство, коего ты лишил меня; дай мне Переяславль»⁹.

Ростислав Мстиславич думал всегда, что старший их дядя (Вячеслав Владимирович) имел законное право на область Киевскую¹⁰, «Много ми оси, брате, понуживал положить честь на стрыеви нашем»¹¹, признается сам Изяслав Мстиславич под г. 1151.

Ростислав Георгиевич предложил (под г. 1148) свои услуги Изяславу Мстиславичу как *старшему из внуков* Мономаховых. Изяслав отвечал: «*Всех нас старее* отец твой, но он не умеет жить в дружбе» и пр.¹²

летописи. – *Примеч. сост.*).

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Нестор по Кенигсбергскому списку. Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Карамзин. Т. II. С. 206. Не привожу подлинных слов из летописей неизданных, кои у Карамзина представлены в переводе.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ Карамзин. Т. II. С. 247.

¹¹ Там же. Примечание № 335 к II тому.

¹² Карамзин. Т. II. С. 226.

Великий князь Изяслав Мстиславич и дядя его Вячеслав Владимирович. Художник В.П. Верещагин

«Яко имети ему (Святославу Владимировичу) его (Святослава Ольговича) в отца место»¹³.

«Вячеслав же (услышав о свержении Игоря Ольговича) надеясь на старейшинство, послушав бояр своих, и не приложив чести ко Изяславу, отнять города» и пр.¹⁴

«А Вячеслав послал сказать Изяславу: сын, аще еси на мне честь положил»¹⁵. Речь идет о предложении Великого княжества Киевского Изяславом дяде Вячеславу.

«Боишься ли унизиться предо мною? — говорит Вячеслав Георгию под г. 1151. — Но кто из нас старшей? Я уже был брадат, когда ты родился. Опомнись, или, подняв руку на старшего, бойся гнева небеснаго»¹⁶. И Георгий признавал было его своим отцом.

Ростиславичи, по смерти Глеба Георгиевича, послали в 1171 г. за дядею, Владимиром Дорогобужским, желая, чтобы он, как *старший* в роду Мономаха, господствовал в Киеве¹⁷.

«Приде Ярослав Лучский на Ростиславичи же с всею Волынскою землею, ища себе старейшинства во Ольговичех, и не съступиша ему Киева»¹⁸ под г. 1173.

«И поидоста (под г. 1175) преди два, Михалко Георгиевич и Ярополк Ростиславич, и утвердившись межи собою давшие *старейшинство* Михалку»¹⁹.

¹³ Арцыбашев. Повествование о России, № 1056.

¹⁴ Русская летопись по Воскресенскому списку. С. 284 под г. 1146. Ср.: «Глеб же, слышав, рад бысть, оже на него честь вкладывают» (Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 256).

¹⁵ Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 256.

¹⁶ Карамзин. Т. II. С. 250.

¹⁷ Там же. Т. III. С. 14.

¹⁸ Там же. Примечание № 18 к III тому.

¹⁹ Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 256.

«Мы готовы повиноваться тебе, как нашему отцу», – сказал Игорь Северский на совете родственников Святославу Черниговскому под г. 1180²⁰.

«Святослав же, совокупился с братьею (под г. 1181) и половцы рече: се аз *старей* Ярослава, а ты, Игорю *старей* Всеволода (Святославича, его брата), а ныне я вам в отца место, а велю тебе Игорю zde с Ярославом, блюсти Чернигова, а я пойду со Всеволодом к Суждалю»²¹.

Рюрик уступил Киев Святославу под г. 1181: «бе бо старей леты»²².

«Се осталось ми ся *старейшинство* в Русской земли»²³, – послал сказать Рюрик Ростиславич братьям по смерти Святополка Всеволодовича в 1195 г.²⁴

«Посла (в 1195 г.) князь великий Всеволод послы своя в Киев, ко свату своему Рюрику Ростиславичю, река ему тако: наркли ми есте в Володимери племени деда моего Мономаха старейшим по достоинству есь, а ныне сел ты есь в Киев, а мне еси части не уделил в Русской земли, но раздаял то еси инем моложиим братьи своей»²⁵.

«Оже дал есь... пред старейшим мне, тому лучшую волость», т. е. если ты дал лучшую область меньшому пред старшим, то, и пр., говорит митрополит Никифор Рюрику Ростиславичу, под г. 1195²⁶.

«Всеволод насрал на меня гневом про то, яко на него чести прежде не положили есьмы», – говорит, оправдываясь, Рюрик Роману под г. 1195²⁷.

Без Всеволода мы не можем обойтись, говорит (под г. 1195) Рюрик Ростиславич Роману Волынскому: «положили бо семы на нем старейшинство *вся братаа в Володимери племени*»²⁸, т. е. мы признали его старшим между потомками Владимира Мономаха.

Роман рассердился, и Рюрик, услышав, что он ведет Ярослава «на старейшинство... посла ко Всеволоду (под г. 1195): ты же брате *старей* вси во всем Володимери племени»²⁹.

Точно то же примечаем и в других княжествах, напр. в черниговском: Изяслав Давыдович, получив Киев, отдал Чернигов племяннику своему, а потом Святославу Ольговичу.

По смерти Святослава Ольговича сын его, Олег Святославич, хотел было остаться в Чернигове, но после уступил старшему двоюродному брату Святославу Всеволодовичу.

Рассматривая сии места, мы видим, что *старшинство* действительно было основанием праву.

²⁰ Карамзин. Т. III. С. 56.

²¹ Там же. Примечание № 59 к III тому.

²² Там же. Примечание № 60 к III тому.

²³ Там же. Примечание № 89 к III тому.

²⁴ Следует читать: по смерти Святослава Всеволодовича в 1194 г. – *Примеч. сост.*

²⁵ Летопись по Воскресенскому списку. Ч. II. С. 120.

²⁶ Там же. С. 124.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Великий князь Игорь Ольгович. Художник В.П. Верещагин

Станем рассуждать об этом праве сперва а priori.

Как могло быть исполняемо право старшинства? В первом поколении после Ярослава, даже во втором, при его внуках, при малочисленном семействе, это право, разумеется, могло иметь значение, потому что легко было знать, кто старше; но что сказать о третьем или о четвертом поколении, когда число князей умножилось до ста, до двухсот?

Это затруднение еще не велико. Знать свое старшинство в таком множестве мудрено, это правда, но возможно. Вспомним о спорах по местничеству, кои были гораздо сложнее, запутаннее и мудренее и в коих наши бояре так твердо и решительно поддерживали свое старшинство. Северные летописи представляют также множество свидетельств об удивительных познаниях в генеалогии обыкновенных в древнем отечестве норманнов. Заметим кстати о богатой номенклатуре родства, которая у нас теперь уже потеряна: братанич, сестринич, стрый, сыновец, дщерищи и проч.

Но вот другой вопрос или другое недоразумение: с таким правом всякий город, всякая область должны были ежегодно переменять по несколько раз своих владетелей, которые, в таких случаях, меняя одно владение на другое, ходили бы беспрестанно взад и вперед по княжествам, как по ступеням в лестнице до великокняжеского престола.

Предложим пример, чтобы яснее выразить наше недоумение.

У Ярослава осталось пять сыновей: один получил Киев, другой – Чернигов, третий – Переяславль, четвертый – Смоленск, пятый – Владимир. Умирает старший, второй заступает его место, третий должен переехать из Переяславля в Чернигов, четвертый – из Смоленска в Переяславль, а сын умершего – во Владимир. Дети их должны перейти тоже из одного города в другой, лучший и старший. Когда число князей увеличилось до 100, – а их бывало и по 200 в одно время, – 200 человек при всякой смерти переменили бы свои места. Неужели двести человек должны были несколько раз в год переходить с места на место? Что за замешательство в стране!

Заключаю: такое право, возможное и удобное при малом семействе, невозможно при его размножении; оно вскоре должно было или уничтожиться, или *ограничиться*. Ограничения сии, может быть, были основаны по преданию на древнем праве наследства или порождены обстоятельствами, что и следует рассмотреть.

Почти так рассуждать можно было а priori. Теперь обратимся к самым происшествиям.

После Ярослава мы видим пять сынов его и племянника Брячислава; Брячислав передал свое полоцкое княжество сыну Всеславу, а тот – своим детям, которые никогда не выходили из пределов родового наследства. Почему же никогда не доставался им Киев, принадлежность старшего в роду? Неужели никогда не доходил черед старшинства ни до одного из них? А род их был самый старший. (О покушениях Брячислава и Всеслава, местных, случайных и временных, ниже.)

Пойдем далее.

Великий князь Изяслав Давидович. Художник В.П. Верещагин

У Ярослава старший сын был Владимир, который умер еще при его жизни. Сын Владимир, Ростислав, отравленный в Тмутаракани, оставил трех сынов, которые получили от Всеволода червенские города, и никогда, равно как и потомки их, галицкие князья, не объявляли своих притязаний на великое княжество. Неужели никому из них, происходивших от старшего сына Ярославова, не случилось быть старшим во всем потомстве? Род их был старше Изяславичей и Мономаховичей.

Второй сын Ярослава, Изяслав, получил великое княжество, доставшееся сыну его Святополку по смерти Всеволода. Но после Святополка на великокняжеском престоле не бывал никто уже из Изяславичей, кои потом и владели в Пинске. Почему это так было? Почему они не искали великого княжества?

Почему другие состязатели не ссылались никогда на право старшинства всех этих князей, полоцких, галицких, пинских? Скажут, они ослабели? Но при обстоятельствах того времени

слабому князю легко было находить помощников, которые рады были воспользоваться всяким предложением, чтобы увеличить свои владения на счет того или другого слабого претендента и получить награду. Почему именно они даже не упоминаются нигде у прочих претендентов? Никто не доказывал ими и никто не отвечал!

Остаются только два потомства: Святослава и Всеволода, третьего и четвертого сына Ярослава. Всеволодово было моложе и между тем владело Киевом почти непрерывно, а Святославо – очень редко, и то – с насилием.

Олег не был на великокняжеском престоле и под конец своей жизни владел спокойно Черниговом, не искав Киева, доставшегося Мономаху.

Всеволод Ольгович овладел Киевом по смерти Ярополка Владимировича насильственно (см. ниже). После него брат его Игорь тотчас был свергнут с престола, и Киев остался у Мономаховичей даже до Изяслава Давыдовича, который занял его вследствие особых обстоятельств.

После него, чрез нескольких Мономаховичей, бывших уже под влиянием владимирских князей, достался Киев, и то с общего их согласия, Святославу Всеволодовичу.

Сын его, Всеволод Чермный, овладел Киевом, но также ненадолго, и был принужден бежать в Чернигов.

Что же за причина такого устранения Олеговичей? Неужели одна любовь к Мономаховичам? Неужели сии последние одолжены были великокняжеским престолом только личным своим доблестям?

Нечего говорить о потомстве младших сынов Ярославовых, Вячеслава, которого единственный сын бездетный умер при жизни дядей, и Игоря, которого два сына умерли также до кончины Мономаховой, а внуки – до кончины его сынов, потому что из их потомков никому не приходилось быть старшим в роде Ярослава.

Великий князь Всеволод Ольгович. Художник В.П. Верещагин

Взглянем здесь мимоходом на другие княжества.

Полоцкое оставалось всегда в роду Изяслава, как отдано было ему с Рогнедою Владимиром. Ни один князь другого рода не попадал туда до изгнания полоцких князей в Грецию.

Галицкое княжество точно так же оставалось в роду Ростиславичей, которым отдано Всеволодом, до пресечения их линии.

Черниговское – в роду Святослава. Еще более: один из его сынов получил Рязань, и потомство сего последнего не заходило уже никогда в Чернигов, точно так ни один из родственников их оттуда не искал Рязани. А казалось, должна бы была иногда доходить очередь старшинства до какого-нибудь рязанского князя – иметь Чернигов.

Что же все это значит?

Рассматривая все эти явления, я принужден заключить, что верно было какое-нибудь правомерное ограничение праву старшинства, то есть я дохожу до того же заключения, какое сделал выше, рассуждая о праве старшинства без событий, а priori, усматривая неудобность его приложения к действительности при размножении князей.

Какое же это было ограничение? Делаю следующее предположение:

Не имел ли сын права только на тот город, область или княжество, которые были во власти его отца? Не было ль отчинного права в удельной системе? Таким образом деды и прадеды не принимались в расчет, то есть нельзя было, или, лучше, не должно было, внуку искать того, получить то, чем владел его дед или прадед, но не владел отец; хотя, разумеется, внук или правнук имел сугубое право на то владение, которым владел не только отец его (*conditio si qua non*), но и дед и прадед, на свою отчину и дедину.

Если посредством этого предположения можно объяснить сколько-нибудь означенные явления, если оно не противоречит другим, то его принять можно. Так поступают физики, приступая к гипотезам, при невозможности из известных законов объяснить то или другое явление природы.

Если впоследствии сделается другое предположение, которое объяснит явление удовлетворительнее, то это можно отложить в сторону.

Еще лучше, когда найдется положительное свидетельство, какой-нибудь древний закон или тому подобное.

Сделаем же опыт приложения, то есть попытаемся объяснить прежние затруднительные явления посредством этого предположения.

Мы удивлялись, почему потомство старшего сына Владимирова, Изяслава, не владело никогда Великим княжеством Киевским.

Отвечаем теперь: потому что Изяслав умер при жизни отца и не владел никогда Киевом. Он владел только Полоцком. Сыну его Брячиславу не мог уже достаться Киев, а потомство его тем более потеряло свое право старшинства. Полоцк же и остался в его роду родовым достоянием.

Великий князь Святополк на съезде князей. Художник В.П. Верещагин

Потому и Ростиславичи не должны были думать о Киеве: ибо родоначальник их, Владимир, умер при жизни отца, Ярослава, и, следовательно, не владел Киевом. Сын его Ростислав – так же умер, отравленный в Тмутаракани. Дети Ростиславовы получили от Всеволода уделы, которые и остались в их роду, пока он велся, Галицкое княжество.

Теперь перейдем к потомству Изяслава. Он владел Киевом, и Киев достался по чередѣ старшинства сыну его, Святополку-Михайлу, но старший сын Святополка, Ярослав, умер в 1123 г., не владея Киевом, который принадлежал еще старшему, дяде его, Мономаху. Потомство его, следовательно, утратило по этому случаю право свое на Киев.

Меньшие сыновья Святополковы, Брючислав и Изяслав, не имевшие даже никаких уделов, по замечанию Карамзина, умерли с небольшим чрез год после Мономаха и не могли состояться, если не было других причин (о коих смотри ниже), с могущественным Мстиславом, которому Владимир предоставил Киев.

Впрочем, право их, если и было какое, продолжалось по смерти Мономаховой только год.

Нисходящее потомство лишилось одного совершенно и должно было ограничиться пинским княжеством или туровским, которым владел их предок Святополк до восшествия своего на киевский престол.

Осталось нам объяснить отношения двух главных потомств Ярославовых: Святославова и Всеволодова.

Святославова (Олеговичи) было старшее, но Святослав владел Киевом не по праву, а как похититель, при жизни старшего брата Изяслава, который даже и после его кончины опять получил Киев. Его княжения как будто не бывало, говоря по праву. Киев, следовательно, за преждевременное пользования не должен уже был принадлежать его потомству, которое таким образом утратило свое право.

Этого мало. Был, кажется, особый закон, по которому князь за вину лишался своего удела, как боярин отвечал головою. «Но ряд наш, так есть: оже ся князь извинить, то волость, а

муж в голову»³⁰, что Карамзин переводит: «Согласно с древним уставом боярин в вине ответствует головою, а князь – уделом». Так говорил (1176 г.) Святослав Всеволодович Роману Смоленскому.

Давид Игоревич лишен был верно по тому же закону своей области за ослепление Василька в 1097 году: «Область Владимирская уже не твоя отныне, ибо ты был причиною вражды и злодейства неслыханного в России», – говорят ему князья по переводу Карамзина³¹.

Ослепление князя Василька Ростиславича. Старинная гравюра

Этот же закон, вероятно, Изяслав и Всеволод распространяли и на племянников своих Святославичей, которых хотели было лишить удела³², и исполнили то на несколько времени.

По крайней мере, несомненно, что Святославово потомство лишилось прав на Киев.

Потому-то, после смерти Святополка, Мономах занял престол киевский, а не Олег: «в том же лете (1113) преставися Святополк, апреля 16. Того же месяца, 20, вниде Володимер в Киев»³³.

В некоторых списках прибавлено: «на утрия же, в 31, сотворише кияне послаше ко Владимиру, глаголюще: поиди княже на стол отца своего. Се слышав Владимир плакася велми по брате своем, и не поиде от печали. Кияне же розграбиша двор Путятин тысячьского, и идоша на жида, и разграбиша я. Послаше второе кияне ко Владимиру, глаголюще: поиди, княже, к Киеву, аще ли не пойдеш, то много зла во граде воздвигнется... се же слышав Владимир, и поиде к Киеву, апреля 20...³⁴ седе на великом княжении в Киеве, и люди возрадовашася, и мятеж улеже»³⁵.

³⁰ Карамзин. Т. III. Примечание № 41.

³¹ Там же. Т. II. С. 133.

³² См. ниже.

³³ Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 176.

³⁴ Следовательно, на 4-й день.

Ни слова об ином чьем-либо праве. Потому-то Олег не шел сам на Киев и впоследствии не стал спорить с Мономахом, сам ли сей последний пришел в Киев, по своему праву, или вместе и был призван киевлянами в эту, положим даже, сомнительную минуту права.

Как бы то ни было, Олег не княжил в Киеве, как и отец его не княжил там по праву, и следовательно, у потомства его осталось, так сказать, еще менее права. И действительно, Изяслав Давыдович, который был старше и Олеговых детей, владея Киевом, ссылаясь пред Георгием не на свое право, а на избрание киевлян³⁶.

В отношении всех войн Ольговичей мы не находим ни малейшего свидетельства и повода думать, чтобы они искали себе по праву и ссылались на свое право.

Но самым важным и сильным доказательством моего предположения, что сын мог владеть или имел право только на то, чем владел его отец, считаю я следующие слова Вячеслава Владимировича (занявшего Киев после брата Ярополка в 1139 году) Всеволоду Ольговичу, пришедшему отнимать у него великокняжеский престол: «Аз, брате, придох зде по братии своей Мстиславе и Ярополце, *по отцу наших заветанию*: аще ли ты восхотел еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, аз семь мний тебе буду... и аз иду в переднюю свою власть, а Киев тебе»³⁷. Карамзин переводит это так: «Я не хищник; но ежели условия наших отцов не кажутся тебе законом священным, то будь государем киевским: иду в Туров»³⁸. Эти слова Вячеслава показывают ясно, по моему мнению, что старшинство было ограничено именно означенным образом. Если бы оно не было ограничено, то Всеволод Ольгович имел бы полное право на киевский престол и Вячеслав не посмел бы так торжественно ссылаться на небывалый закон предков; не мог бы говорить Всеволоду, что он нарушает этот закон. По старшинству, без предложенного нами ограничения, Всеволод, старший сын Олега, старшего двоюродного брата Мономаха, был старше Вячеслава, сына Владимира, меньшего двоюродного брата Олега, и Вячеслав упрек не имел бы никакого смысла.

Следовательно, это старшинство было ограничено вследствие общепринятого права, *по заветанию отца*; следовательно, Олегово, старшее потомство, утратило свое право почему-то, всего вероятнее, как мы думаем, потому, что Олегу не случилось княжить в Киеве, и Святослав владел им незаконно, а сын мог владеть только тем, чем владел его отец.

Вячеслав в этих словах указывает на отчину Всеволодову Чернигов, которая должна только принадлежать ему.

И сами Ольговичи незадолго пред тем «и паки начаша просити у Ярополка: *что наш отец (, Олег,) держал при вашем отци, того же и мы хотим*; аже не вдасть, то не жалеите, что ся удееть, то на вас будет кровь»³⁹.

Точно в этом смысле говорит и Изяслав Мстиславич по смерти Всеволода Ольговича, когда брат его Игорь стал владеть Киевом: «Я не спорил о старейшинстве с достойным Всеволодом (след., мог спорить), чья его вторым отцом своим... Но Игорь и Святослав должны ли повелевать нами»⁴⁰.

³⁵ Летопись по Воскресенскому списку. С. 257. Карамзин перевел и изъяснил это место так (Т. II. С. 149): «По смерти Святополка-Михаила граждане киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из князей российских должен быть великим князем, отправили послов к Мономаху» и проч. (В летописи не сказано о торжественном совете и избрании.) «Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся оскорбить Снятославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению должны были наследовать престол великокняжеский». Из летописи не видим, чтоб Владимир отказывался: он только не шел немедленно; следовательно, кажется, нет нужды и объяснять его отказ.

³⁶ Карамзин. Т. II. С. 271.

³⁷ Летопись по Воскресенскому списку. С. 276.

³⁸ Карамзин. Т. II. С. 191.

³⁹ Там же. Примечание № 262 к II тому.

⁴⁰ Карамзин. Т. II. С. 206.

Если бы не было предложенного нами ограничения права, то Игорь и Святослав законно должны были бы наследовать старшему своему брату Всеволоду, как Мстислав и Ярополк наследовали прежде Мономаху; но Изяслав утверждает именно противное.

Жаль, что Карамзин не привел подлинных слов Киевской летописи в этом важном месте.

Татищев переводит оные еще согласнее с нашею догадкою⁴¹: «Хотя Всеволод несправедно по смерти стряя своего престол похитил, но я его, яко старейшего в роду (своем?) и зятя по сестре моей, имел вместо отца, а сей Игорь *ни по чему отъемлет у меня отческое и дедовское наследие*».

Сам Всеволод, назначив пред смертью наследником брата Игоря, почел нужным взять присягу с прочих князей, и особенно с Изяслава Мстиславича, к которому, умирая уже, послал зятя своего Владислава Польского напомнить о данной присяге. Видно, что он считал всего нужнее его согласие или уступку.

Последующие происшествия показывают нам ясно, что Мономахово потомство считало Киев уже своею родовою наследственною собственностью: «Тое же осени Рюрик сослался с в. к. Всеволодом и с братом своим Давыдом, послаша мужи своя ко Ярославу Всеволодичу и ко всем Олговичем ркуше: целуйте к нам крест вси на том, что не искати вы отчины нашей под нами, ни Киева, ни Смоленска, ни под детьми нашими, и подо всем Володимирем племенем. Яко же разделил есь прадед наш великий Ярослав по Днепр дал вам, а Киев вы не надобе. Олгови же пожалобишася о том на Всеволода ркуше: аще ввел еси нас в се» (в издании не так разделено) «еже блюсти нам Киев под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим, а еже лишитися нам его велиши отинудь, то мы есмы ни угри, ни ляхове, но единого деда семя внуци; при вашем животе не ищем его, а по вас кому его Бог даст. И бывши меж ими распре мнозе и речи велице, и не сравниша дела» (т. е. не решили). «Всеволод же хотя оправити все племя Володимире, и нача воя копити на Олговичи. Они же убоявшеся послаша мужи своя ко Всеволоду Олговичю» (ошибка: вместо Ольговичи, кланяющиеся... по всю волю его)⁴².

После сказанного, надеюсь, не нужно уже объяснить, почему черниговское княжество оставалось всегда в роду Святослава Ярославича, Рязанское – в роду Ярослава Святославича, Владимирское на Клязьме – в роду Георгия Долгорукого, Смоленское – в роду Ростислава, сына Мономахова, и пр. Это были их отчины.

Так и Владимир Андреевич не княжил в Киеве, потому что отцу его Андрею Владимировичу не случилось владеть им.

Мы сделали предположение, попытались объяснить посредством одного события и удостоверить, что оно прикладывается ко всем довольно близко, подтверждается происшествиями. Представим теперь доказательства местами из летописей, показывающими значительность и важность отцовского владения, наследия.

Вспомним прежде всего о словах Мономаха, коими еще точнее определяется это отчинное право: «Аще аз сяду на столе отца своего, то имам рать со Святополком взяти, яко то есть стол прежде отца его был»⁴³.

На первом съезде князей в 1097 году положено: «Кождо да держит отчину свою, Святополку – Киев, Изяславль, Володимир – Всеволожь, Давыд и Олег, Ярослав – Святославле» (так должно читать вместо Святослав) и пр.⁴⁴

⁴¹ Татищев. История. Т. II. С. 284.

⁴² Нестор по Воскресенскому списку. Ч. II. С. 124.

⁴³ Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 134.

⁴⁴ Там же. С. 151.

Съезд князей. Художник И. Я. Билибин

Олег Святославич, изгнанный из Чернигова за первоначальный отказ явиться на этот съезд, говорит под г. 1095 Изяславу, сыну Мономаху⁴⁵: «Иди княжить в свою Ростовскую область. Отец твой отнял у меня Чернигов, неужели и в Муроме, наследственном моем достоинии, вы лишите меня хлеба?»

Ему (Олегу) посчастливилось победить Изяслава, который погиб в сражении, и он взял не только Муром, но и Суздаль, Ростов. Тогда Мстислав, брат погибшего, потребовал, чтобы он вышел из Ростова и Суздаля, хотя и не винил его в занятии Мурома. Так говорит и Мономах: «Но лучше, если бы ты, взяв Муром, не брал Ростова»⁴⁶.

Святополк, отняв Владимир у Давыда Игоревича, захотел овладеть Перемышлем и Теребовлем и объявил (под г. 1097), что эти города принадлежали некогда его отцу и брату⁴⁷.

Поди на стол отца своего, говорят кияне Мономаху по смерти Святополка в 1113 г.⁴⁸

Андрей Владимирович отвечает, под г. 1139, Всеволоду Ольговичу, принуждавшему его оставить Переяславль и ехать в Курск: «лепее ми смерть на своей отчине и дедине»⁴⁹.

«Седиши в Киевской области, а мне достоин; иди ты в Переяславль, отчину свою»⁵⁰, говорили Вячеславу Туровскому послы Всеволода Ольговича (1142 г.), по смерти Андрея В[ладимировича], княжившего в Переяславле.

«А отчины своей не дает (нам) Вятич», говорят о Всеволоде Святослав и Игорь⁵¹.

⁴⁵ Карамзин. Т. II. С. 114.

⁴⁶ Там же. С. 117.

⁴⁷ Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 162.

⁴⁸ Летопись по Воскресенскому списку. Ч. I. С. 257.

⁴⁹ Там же. С. 277.

⁵⁰ Нестор по Кенигсбергскому списку. С. 195.

⁵¹ Карамзин. Т. II. Примечание № 279.

«Или паду, или сяду на престоле моего деда и родителя», говорит Изяслав Мстиславич в 1146 г., вооружаясь против Игоря и Святослава Ольговичей⁵².

Изяслав Мстиславич, овладев Киевом в 1151 г. звал дядю Вячеслава сими словами: «Бог взял моего родителя, будь мне вторым отцем. Два раза я мог посадить тебя на престоле и не сделал того, ослепленный властолюбьем... Киев твой: господствуй в нем, подобно отцу и деду»⁵³.

«А се отчине межи нама две: одина моего отца, а другаа твоего (говорит Святослав Ольгович вместе со Святославом Всеволодовичем Изяславу Давыдовичу под годом 1151); ты же прими Давыдово, а что Ольгово, а то нам дай. Изяслав отчину има возвори, а свою себе прия»⁵⁴.

Всеволод Георгиевич «обнови (в 1192 г.) отчину свою» (Остер)⁵⁵.

Область наша есть *твоя отчина*, говорят новгородцы (в 1199 г.) Всеволоду Георгиевичу⁵⁶.

«Посла и (Дмитрия-Владимира в 1212 г.) в Руський Переяславль, на отчину свою» (Георгий Всеволодович)⁵⁷.

«Княгина же Романова (1208 г.) посла Мирослава ко Лесткови глаголюща, яко сии всю землю и отчину нашу держат, а сын мой в одном Берестыи»⁵⁸.

На *столе дедни и отни* – есть любимое выражение летописей.

Довольно ли мест, свидетельствующих, сколь важна была для сына принадлежность той или другой области отцу?

Так и у норманнов: «Князь Гакон дал кня[зей] титла Тригви и Гудроду, и княжества, как князь Гарольд давал их отцам»⁵⁹.

«Палтеск... иметь Эймунду... если Эймунд оставит после себя наследников, то наследникам его иметь по нем область, но если у него не будет ни одного сына, то ей возвратиться к обоим братьям»⁶⁰.

О Дмитрие Константиновиче, занявшем Москву по кончине Иоанна Иоанновича в 1360 г., в Троицком списке сказано: ни по отчине, ни по дедине⁶¹.

Да, сын имел право по большей мере только на то, чем владел его отец. Чем не удалось владеть сыну, на то внук лишался права, разумеется, при других законных препятствиях.

И так право старшинства могло уменьшаться, теряться, как то мы видели на потомстве Изяслава Полоцкого, Ростислава Владимировича, Святополка-Михаила, как то мы заключили из слов летописей, из слов самих князей.

⁵² Там же. С. 206.

⁵³ Там же. С. 246.

⁵⁴ Там же. Примечание № 343.

⁵⁵ Карамзин. Т. III. Примечание № 82.

⁵⁶ Там же. С. 103.

⁵⁷ Там же. Примечание № 154 к III тому.

⁵⁸ Арцыбашев. Т. I. № 1730.

⁵⁹ Снорри Стурлусон (по изд. Вахтера, II. С. 6).

⁶⁰ Эймундова сага в «Библиотеке для чтения» (1834).

⁶¹ Карамзин. Т. IV. Примечание № 392 [в тексте Карамзина говорится не о московском, а о владимирском великом княжении. – Примеч. сост.].

Великий князь Дмитрий Константинович. Художник В. П. Верещагин

Это понятие о праве было укоренено глубоко и продолжалось даже и тогда, когда Москва сделалась государством, и когда удельные княжества переменили совершенно свой характер и не имели никакой значительности.

Царь Иоанн Васильевич Грозный говорит в письме к Курбскому о своем двоюродном брате, князе Владимире Андреевиче, которого бояре во время болезни его (царя) хотели возвести на престол мимо его сына: «Народился есмь Божьим изволением на царстве, а князю Владимиру почему было быти на государстве? От четвертаго удельнаго родился»⁶².

Следы такого права, или лучше то же право, только в другом приложении, мы видим и в делах по местничеству, коими наполнена средняя наша история.

Князь Пожарский в споре своем с князем Лыковым доказывал свое преимущество разрядами (службою, чинами) князей Стародубских и Рязанских, от которых он происходит, и которые были выше князей Оболенских, от которых происходил Лыков. Лыков возразил, что Пожарский не должен опираться на Стародубских и Рязанских, а доказывать своими ближними родителями, Пожарскими князьями, «ибо, — говорил он, — в княженецких родах водится... от большого брата колено пойдет, а в разрядах (на службе) малы и худы будут (низки чинами), а от меньшего брата колено пойдет, а в разрядах велики живут (будут иметь высокие чины и должности), и те худые с добрыми лестницею не тянутся (т. е. не считаются своим родством и старшинством происхождения между собою), а тянутся по случаям разряды (т. е. службою)»⁶³.

⁶² Карамзин. Т. IX. Примечание № 472.

⁶³ Русский исторический сборник. Т. II. С. 2–9.

Князь Д. М. Пожарский. Старинная гравюра

Или Пожарские не считывались с Полоцкими лествицею, потому что «разошлись от прародителей далече»⁶⁴.

N. N. «после тово много истерял».

Приложим эти выражения к уделам. Полоцким, пинским, галицким князьям не доставалось никогда киевского княжества, и по такой же причине они не могли указывать на Владимира Святого, или Владимира Ярославича, или Святополка Изяславича, потому что после разошлись далече, растеряли много, худы стали (потеряли право по какой-нибудь давности и т. п.). Они могли тягаться только ближайшими предками, а ближние предки их княжили только в Полоцке, Пинске, Галиче.

Но не определялось ли, не ограничивалось ли старшинство еще каким-нибудь образом? Об этом мы будем говорить в другой статье.

⁶⁴ Там же. С. 297.

Статья вторая

В предыдущем исследовании я старался доказать, что древнее престолонаследование основывалось на праве старшинства, ограниченного правом отчинным. Недостаточно было для наследования того или другого княжества быть старшим в роду; нужно было, чтоб то княжество было когда-нибудь прежде во владении отцовском. В противном случае право старшинства лишалось своей силы и княжество мимо старшего доставалось младшему князю, но подходившему под сказанное условие; напр., у Ярослава I было пять сыновей; они все, по старшинству, один за другим, имели право на Киев, принадлежащий их отцу, а сыновья полоцкого Изяслава Владимировича, сына Рогнеды, не могли иметь его, если бы даже кто-либо из них остался в живых по смерти Ярослава, несмотря на то что они были старшие в роду Владимира I, старше сынов Ярославовых; не могли, потому что отцу их Изяславу, умершему уже при жизни отца своего, Владимира Святого, не привелось владеть Киевом. Таким образом старшее потомство его утратило навсегда свое право⁶⁵.

Ярославу наследовал сын его Изяслав (старший Владимир умер еще при нем и тем лишил свое потомство также права на киевский престол; оно получило впоследствии галицкие города).

Изяславу наследовал (1078 г.) Всеволод, а Святослав умер еще при его жизни, на похищенном им киевском престоле, чем и лишил свое потомство права на оный.

Меньшие братья его, Вячеслав и Игорь, умерли прежде него, и, следовательно, их дети и потомство потеряли право на Киев.

Всеволодом I кончилась линия сыновей Ярославовых, и наследство переходило к внукам Ярославовым.

Кто же из них был в живых в двух только родах, сохранивших право, т. е. в Изяславовом и Всеволодовом?

Один сын Изяславов – Святополк-Михаил, и один сын Всеволодов – Владимир Мономах. Им только и их потомствам мог принадлежать Киев; все прочие, по вышеприведенным обстоятельствам, лишились его.

Всеволоду наследовал по праву Святополк-Михаил, единственный остававшийся в живых сын Изяславов.

Святополку наследовал меньший его двоюродный брат, Владимир Мономах, единственный остававшийся в живых сын Всеволодов. Это ясно.

Прочим сыновьям Изяслава и Всеволода не случилось сидеть на киевском престоле, и потомки их лишились этого права. Право удержалось только за детьми Святополка и Мономаха. Кто же должен был следовать после Мономаха?

В живых были сыновья Святополка – Брячислав и Изяслав, и сыновья Мономаха – Мстислав с братьями.

Старше были первые, происходившие от старшего сына Ярославова, Изяслава. Мономаховы сыновья были младше, исходя от меньшего сына Ярославова, Всеволода.

Между тем наследовал Мономаху сын его Мстислав, а не Святополковы дети.

Спрашивается: по праву ли вступил Мстислав, или в его наследовании было нарушение права?

⁶⁵ Сыну Изяславу Брячиславу, умершему еще при жизни Ярославовой (1044), даже не приходила очередь быть старшим.

Великий князь Изяслав Ярославич. Художник В. П. Верещагин

Если право старшинства ограничивалось только отчинным правом, то Мстислав не должен был наследовать Киева прежде старших своих троюродных братьев, а их отец так же владел Киевом, как и его.

Не было ли еще какого ограничения, вследствие которого Мстислав получил преимущество пред своими троюродными братьями?

У отца три сына. У каждого из сыновей – по два, по три сына. Как считалось старшинство между ими, и как следовало право, положим, на великое княжество? Должны ли были после всех сыновей следовать все внуки от старшего сына, потом – все внуки от второго, и наконец, от третьего, или по одному первому внуку от каждого сына?

Так ли же должны были следовать правнуки? То есть у *a* было три сына: *б*, *в*, *г*. От сыновей пошли внуки: от *б* – *д*, *е*, *ж*; от *в* – *з*, *и*, *й*; от *г* – *к*, *л*, *м*. От внуков правнуки – *н*, *о*, *п*; *р*, *с*, *т*; *у*, *ф*, *х*, и проч. Должны ли были после *г* следовать по очереди *д*, *е*, *ж*, *з*, *и*, *й*, *к*, *л*, разумеется, при сказанном условии об отчинном праве, или после *г* должны были следовать только *д*, *з*, *к*?

Ярослав оставил пять сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Они должны были наследовать Киев один за другим, по старшинству: это знаем мы положительно. Но после младшего Игоря, если бы он был жив, 1) должны ли были наследовать по очереди все сыновья Изяславовы, потом – все сыновья Святославовы, далее – все сыновья Всеволодовы, Вячеславовы, Игоревы, 2) или только один сын Изяславов, старший из всех, или один старший из живых, потом старший из всех, или 3) старший из живых сыновей Святославовых, далее – Всеволодовых и проч.? Наконец, после сыновей Игоревых право на великокняжеское наследство должно ли было возвратиться в род Изяслава, 4) к одному ли старшему его внуку (от первого сына, или всем внукам от него, потом – к внукам от второго сына, от третьего, и т. д. и по тому же порядку, как наследовали их отцы?

Сделав эти предварительные вопросы, обратимся к истории и посмотрим, не поможет ли она извлечь нам еще какое-нибудь общее правило.

Мудрено, если не невозможно, отыскивать эти правила, но наши летописи слишком скупы на подобные объяснения. Летописатели опускали их без внимания, как ненужные и общеизвестные. Притом по причине размножения князей, в следующее время, произошло много нарушений права, кои еще более затрудняют исследователя.

Обратимся к периоду, – не скажу, более ясному, но более богатому, по крайней мере указаниями, – предлагающему более средств решать задачи. Я говорю о периоде местничества, которое уже доставило нам многие полезные положения для первого нашего исследования и содействовало нам отыскать отчинное право или, по крайней мере, укрепило, подтвердило нашу догадку.

Великий князь Мстислав Владимирович. Художник В.П. Верещагин

В делах по местничеству мы встречаем следующие выражения, прямо идущие к нашему делу: «Был князь Михаил Гвоздев, – говорит один истец, – велик по родству князю Михаилу Темкину, что отец, а по разряду стал, что сын»⁶⁶, т. е. князь Гвоздев по родству старше князя Темкина, но по службе стал моложе. Старший в роду делался младшим по какому-то потерянному для нас расчету. Не мог ли, скажем мы, переводя этот язык на язык удельного периода и употребляя метод фальшивого правила, не мог ли старший Брючислав Святополкович, безудельный князь, в 1125 г. сделаться почему-нибудь (это *x*, искомое) моложе младшего своего троюродного брата Мстислава Владимировича и лишиться своего, мнимого нами, права?

«Аз Я Гришка (Долгорукий) племянника своего, князя Федора, больше в своем родстве, а князь Василий Гвоздев дяде своему князю Михаилу ровен»⁶⁷. Следственно, заключаем мы, были законные случаи и обстоятельства, по которым племянник мог сделаться старше дяди.

⁶⁶ Русский исторический сборник. Ч. 2. С. 362.

⁶⁷ Русский исторический сборник. Ч. 2. С. 124.

Не было ли такого права и в удельном периоде, вследствие которого меньший троюродный брат (Мстислав) оказался старше старшего брата (Брячислава)?

Я нарочно подбираю места, одно другого яснее и ближе.

«По родству в лестнице князь Иван князю Михаилу Темкину племянник, а больше дяди своего князя Михаила по лестнице шестью месты»⁶⁸. И так племянник мог быть вшестеро старше дяди в своем родстве. Не начинался ли такой счет и между князьями?

Если так, то мы не удивимся не только вступлению на престол меньшего троюродного брата (Мстислава), но и племянника, напр. Изяслава Мстиславича, восшедшего на киевский престол при жизни своего дяди, Георгия Владимировича Долгорукого.

Но на чем же основывался этот счет? Как считалось в роду старшинство между боярами? (Так было, может быть, между князьями.)

Послушаем еще местные тяжбы.

«Князем Дмитрием Примковым, аз не хочу быть ни мал ни велик, – говорит князь Даниил Примков, – мне мал князь Дмитриев отец, князь Михаил Примков, отцу моему четвертый брат»⁶⁹.

⁶⁸ Там же. С. 361.

⁶⁹ Там же. С. 83.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.